

СООБЩЕНИЯ

Из истории империалистической политики Англии на Дальнем Востоке в конце XIX века (миссия лорда Бересфорда)

А. Ерусалимский

I

В истории нового и новейшего времени английская дипломатия не раз пыталась использовать милитаристскую Пруссию, а затем империалистскую Германию в интересах борьбы против своих противников или соперников на европейском континенте. Ещё Г. Дж. Пальмерстон, прекрасно умевший, как отметил К. Маркс, «соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями»¹, мечтал о тех временах, когда под прикрытием громких слов о необходимости усиления Пруссии, как фактора европейского мира, можно будет использовать последнюю для войны против России. В конце XIX в., когда борьба за раздел остатков ещё не поделённого мира в огромной степени усилила напряжённость во взаимоотношениях между империалистскими державами, английская буржуазия, привыкшая загребать жар чужими руками, опираясь на свою финансовую и военноморскую мощь, и при помощи различного рода дипломатических ухищрений стремилась усилить и разжечь нарастающие противоречия между европейскими державами и тем самым создать наиболее благоприятные условия для развёртывания своей колониальной экспансии.

В наиболее острые моменты, чреватые военными осложнениями, английская буржуазия, увлекаемая далеко идущими экспансионистскими вождениями и устремлениями, готова была временно отказаться от своей политики «блестящего одиночества» и встать на путь поисков союзника, достаточно сильного, чтобы его можно было использовать в своих интересах. В некоторых случаях английская буржуазия действительно искала союзников на условиях, которые по возможности ни к чему её не обязывали. Но чаще всего она стремилась не к заключению союза, а к переговорам о заключении союза — переговорам, которые

она умела ловко превращать в орудие давления и угроз в отношении других держав с целью заставить их идти на требуемые уступки в вопросах колониальной политики.

Инициатива не всегда исходила из Лондона, но во всех случаях английская дипломатия стремилась воспользоваться ею в своих интересах. Так, в 1879 г., накануне заключения союзного договора с Австро-Венгрией, Бисмарк обратился в Лондон с запросом, не будут ли правящие круги Англии согласны вступить в переговоры о союзе с Германией. Дизраэли, лидер империалистской партии в Англии, незадолго до этого, во время русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, снискавший себе среди джингоистов огромную популярность, питавшийся ненавистью к России, поспешил ответить, что правящие круги Англии, включая королеву Викторию и принца Уэльского, охотно пошли бы на заключение предлагаемого союза при условии, если Германия будет воевать против России, а Англия возьмёт на себя труд «сдерживать» Францию. «И больше ничего?» — недоуменно спрашивал Бисмарк. Полученные им донесения ещё более раскрывали тайный смысл готовности английских империалистов вступить в переговоры о союзе с Германией². Передавая о настроениях, царивших в то время среди правящей верхушки в Англии, граф Мюнстер, германский посол в Лондоне, писал: «Война против России была бы здесь популярной, и её считают более безопасной для Англии». «Но не для Германии», — отозвался Бисмарк. Англо-германские переговоры о союзе против России на сей раз расстроились³.

² Об этом и о последующих эпизодах дипломатической истории см. Н. Rothfels. *Bismarcks englische Bündnispolitik*. Stuttgart — Berlin. 1924; W. Schüssler. *Deutschland zwischen Russland und England*. Leipzig. 1940; «История дипломатии». Т. II, гл. VI. М. 1945.

³ См. А. Ерусалимский. *Бисмарк как дипломат*. М. 1940.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 489.

В другой раз инициатива переговоров исходила из Лондона. Летом 1885 г., когда в связи с обострением борьбы за влияние в Средней Азии Россия была, по выражению Ленина, «на волосок от войны с Англией»⁴, в правящих кругах Англии возникла идея использовать в этой войне и Германию. Одним из наиболее яростных защитников этой идеи был статс-секретарь по делам Индии лорд Рандольф Черчилль, отец нынешнего экс-премьера Уинстона Черчилля. Тогда Рандольф Черчилль пытался убедить Вильгельма Бисмарка (второго сына канцлера), что союз между Англией и Германией, направленный против России, является комбинацией, рассмотрение которой достойно всяческого внимания. Молодой Бисмарк уклонился дать ответ, который мог бы быть полезен английской дипломатии. Но Р. Черчилль не унимался. Спустя несколько месяцев он снова обратился к германскому правительству с предложением о союзе. На сей раз он пытался соблазнить немцев самыми широкими и многообещающими перспективами. «Мы с вами вдвоём могли бы управлять всем миром», — убеждал он германского посла в Лондоне графа Гатцфельда. Но Бисмарк, который сам строил расчёты на столкновении Англии с Россией, — в надежде, что в этих условиях милитаристская юнкерско-буржуазная Германия сможет найти наиболее выгодный и кратчайший путь к достижению своей гегемонии в Европе, остался глух к настойчивым предложениям английской дипломатии.

Но и после этого правящие круги Англии не оставили своих попыток договориться с Германией, чтобы под видом союза с ней использовать её армию для войны против России. Летом 1886 г. лорд Розбери, занимавший тогда пост министра иностранных дел, идя по стопам Р. Черчилля, снова возобновил переговоры с Гатцфельдом, убеждая его в том, что для Германии союз с Англией крайне необходим. Подлинная цель этих настоящих и дипломатических уговоров была настолько ясна, что даже Гатцфельд, которого никак нельзя было упрекнуть в отсутствии склонности к соглашению с Англией, не без раздражения комментировал английские предложения в следующих словах: «Это снова всё те же расчёты, с которыми я здесь уже многократно встречался, — а именно: то Австрия, то Германия призваны в случае нужды таскать для Англии каштаны из огня». Через три года, в начале 1889 г., Бисмарк дал знать в Лондон, что он готов вступить в переговоры о заключении союза с Англией при условии, что она возьмёт на себя более определённые и твёрдые обязательства на случай, если Германия вступит в войну с Россией или с Францией. Но Солсбери, английский премьер, один из наиболее типичных представителей политики «блестящей изоляции», вовсе не склонен был отказаться от установившихся традиций англий-

ской дипломатии: свою главную задачу в области дипломатии Солсбери усматривал в том, чтобы, продолжая политику колониальной экспансии, поддерживать условия, при которых в случае возникновения европейской войны английская буржуазия, не связывая себе руки твёрдыми военно-политическими обязательствами в отношении других держав, могла бы, говоря словами И. В. Сталина, использовать «дураков, готовых таскать для неё из огня каштаны»⁵. Англо-германские переговоры о союзе и на сей раз остались лишь эпизодом дипломатической истории.

Прошло почти десятилетие. За это время многое изменилось в мире. Империализм, окончательно сформировавшийся в ряде наиболее крупных стран, установив своё господство, стал главной движущей силой политики экспансии и агрессии. Едва завершив окончательный раздел мира, империалистские державы, и прежде всего США, уже приступили к борьбе за его передел. Многие изменилось и в отношениях между Англией и Германией. В последнее десятилетие и в особенности в последние годы XIX в. со всей силой внезапности стало очевидным, что эти державы почти на всех театрах мировой политики выступают как соперники в области экономической и колониальной экспансии. Нападение милитаристской Японии на Китай и вскоре, в 1897 г., последовавшее вторжение германского империализма в эту страну повлекли за собой изменение в соотношении сил на Дальнем Востоке. Одним из наиболее крупных факторов в этом отношении являлось усиление экспансии американского империализма на Тихом океане. Движимые захватническими интересами и устремлениями Уолл-стрита, а также крупнокапиталистических кругов в Западных Штатах, политики, контролирующие многотиражную жёлтую прессу, и ставленники монополий в конгрессе и в Белом доме явно готовились начать войну в целях передела и присвоения испанских колоний. В первую очередь они нацелились на Кубу и Филиппинские острова, ценные для них не только в качестве объекта монопольной эксплуатации, но и в качестве стратегических плацдармов, обеспечивающих пути дальнейшей экспансии. Даже представители правительственной клики в своих публичных выступлениях не скрывали, что война США против Испании имеет целью вовсе не «освобождение» Филиппинских островов, а использование их в интересах американского экспансионизма на Тихом океане вообще и в Восточной Азии в особенности. Так, Франклин Вендердип, товарищ министра финансов США, в 1898 г. уже открыто провозглашал широкую программу американского экспансионизма. «Вместе с островами Японской империи, — писал он, — Филиппины являются сторожем Тихого океана, стоящим на карауле у ворот торговли с миллионами Китая, Кореи, французского Индо-Китаи, Малайи и Индонезии». Вой-

⁴ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 620. Госполитиздат. 1939.

⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 325.

на США против Испании началась в апреле 1898 г., но ещё раньше внимательные и осведомлённые современники начали понимать, что, взяв курс на захват Филиппин, американский хищник подбираться к таким позициям, откуда ему легче будет совершить прыжок в Китай.

Среди финансовых, торговых и вообще империалистских кругов Англии, заинтересованных в утверждении и расширении своего господствующего положения в Китае, усиление американского экспансионизма на Тихом океане пока что не вызвало серьёзного беспокойства. Более того, некоторые круги английской буржуазии рассчитывали, что недалёк тот день, когда в борьбе за своё преобладающее влияние в Китае, против своих наиболее сильных соперников они смогут использовать американский империализм как своего союзника.

Вскоре они начали искать сближения с США. Империалистские круги Англии были явно встревожены в связи с проникновением германского империализма в Китай. Тревога ещё более возросла в конце декабря 1897 г., когда в Лондон пришло сообщение, что русские военные корабли бросили якорь в Порт-Артуре. Понимая, что все эти факты в совокупности означают начало раздела Китая, английская буржуазия, привыкшая рассматривать себя как почти монополиста на китайском рынке, стала громко выражать своё недовольство, обвиняя правительство в бездеятельности. В особенности тревожилась крупная буржуазия, связанная с текстильной промышленностью. Герцог Девонширский, король ланкаширской промышленности, считал, что настроения, создавшиеся в кругах этой буржуазии в связи с событиями в Китае, являются почти паническими. «Если паника,— писал он в марте 1898 г.—которая охватила нашу текстильную промышленность в Ланкашире по поводу её рынков сбыта в Китае, будет и дальше так продолжаться, то в очень скором времени большая часть наших ткацких фабрик будет приостановлена, а рабочие будут уволены»⁷. Опасаясь социальных последствий экономических затруднений или кризиса, который может возникнуть в Англии в результате потери необъятного китайского рынка, герцог Девонширский ещё более тревожился по поводу падения огромных прибылей и сверхприбылей, которые он и его друзья-капиталисты привыкли извлекать в Китае. Но и другие круги английской буржуазии, связанные с Гонконг-Шанхайским банком, железнодорожными и другими инвестициями в Китае, с крупными торговыми компаниями (в частности, по продаже оружия, опиума и т. д.), с судовладельческими фирмами и с компаниями каботажного плавания в Китае, требовали, чтобы правительство перестало «смотреть пустыми глазами научного любопытства на

раздел Китая»⁸ и приняло бы эффективные меры, которые могли бы обеспечить большие и всё возрастающие экспансионистские аппетиты английского империализма в Китае⁹.

Между тем правительство вовсе и не собиралось оставаться инертным. Не только импульсивный министр колоний Джозеф Чемберлен, лидер наиболее агрессивного крыла английского империализма, но и премьер-министр Солсбери весьма активно занимались разработкой новых планов в области внешней политики. Каждый из вариантов этих планов предусматривал сравливание старых и новых соперников Англии на Дальнем Востоке и выражал стремление английского империализма при помощи союза с одной из империалистских держав или с группой держав получить возможность «загрести жар чужими руками». 31 декабря 1897 г. Чемберлен предложил Солсбери разработанный им пока ещё в общих чертах проект соглашения с Японией¹⁰. Но у Солсбери был другой проект—начать переговоры с царской Россией на основе разделения «сфер влияния» не только в Китае, но и в Турции. Завязав эти переговоры по инициативе Солсбери в январе 1898 г., английская дипломатия дала понять царскому правительству, что речь идёт, возможно, о союзе, и притом направленном против Германии¹¹. Вскоре, однако, выяснилось, что, ведя переговоры с Россией о соглашении или о союзе против Германии, в частности на почве китайских дел, английская дипломатия одновременно вела переговоры с Германией о предоставлении совместного займа Китаю, разумеется, на достаточно кабальных условиях¹². Более того, во время переговоров с Россией в начале февраля 1898 г. Дж. Чемберлен разработал и предложил Солсбери ещё более обширный политический план, направленный против русской политики в Китае. Согласно этому плану, английское правительство должно было немедленно вступить в переговоры, с одной стороны, с США, а с другой—с Германией в целях достижения соглашения о совместной борьбе против России. Конечная задача английского империализма, по мысли Чемберлена, за-

⁸ Так писала газета «Standart», орган, инспирировавший часто английским премьером Солсбери. См. O. J. Hale. *Publicity and Diplomacy, with special reference to England and Germany 1890—1914*, p. 152. New York — London. 1940.

⁹ О взаимоотношениях между английскими торговыми кругами в Китае и лондонским правительством см. Nathan Peacock. *Old China hands and the Foreign office*. New York. 1948, а также рецензию Н. Ерофеева на книгу Натана Пельковича «Английские торговцы в Китае и министерство иностранных дел» («Вопросы истории» № 12 за 1950 г.).

¹⁰ См. J. Garvin. *The life of Joseph Chamberlain*. Vol. III, p. 249. London. 1934.

¹¹ См. «British Documents of the Origins of the war 1898—1914». Vol I, Nr. 8, 9.

¹² См. там же, № 22.

⁷ Н. Freiherr von Eckardstein. *Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten*. Bd. I, S. 292. Leipzig. 1920.

ключалась в том, чтобы, привлекая на свою сторону германский и американский империализм в качестве младших партнёров, установить своё собственное господство в Китае. Так старые планы английской буржуазии об использовании Германии для борьбы против России возникли на новой и более расширенной основе. Вскоре английская дипломатия приступила к переговорам с германским послом в Лондоне графом Гатцфельдом и с бароном Эккардштейном. Речь шла о союзе английского и германского империализма на почве китайских дел.

II

История англо-германских переговоров о союзе против России в 1898 г. имеет большую литературу. Первые сведения об этих переговорах проникли в прессу накануне мировой войны 1914—1918 годов¹³. Тогда же появились первые сообщения о том, что, ведя переговоры с Германией, Чемберлен предполагал привлечь к антияпонскому союзу также и Японию¹⁴. В 1915 г. вопрос о попытках английской дипломатии сколотить под своим главенством союз с Германией и Японией был частично затронут в работах некоторых немецких буржуазных историков¹⁵. Приведённые ими материалы тотчас же привлекли внимание В. И. Ленина. Сделав запись этих материалов, Ленин отметил: «1898: переговоры об англо-германо-японском союзе против России»¹⁶.

После первой мировой войны история этих переговоров стала предметом рассмотрения и оживлённого обсуждения, преимущественно в немецкой литературе. Основные мотивы были политические. Тотчас же после поражения Германии в 1918 г. в политике английского империализма в отношении немецких монополистов и милитаристов стали обнаруживаться новые тенденции. Правда, тогда ещё никто не знал, что уже в цель подписания германскими представителями в Компьене акта о капитуляции английский премьер Давид Ллойд-Джордж и министр военного снабжения Уинстон Черчилль втайне обсуждали вопрос о том, «как помочь разбитому врагу»¹⁷. Но уже вскоре стало очевидным, что английский империализм взял курс на восстановление германского империализма, военную мощь которого можно было бы использовать для борьбы против советского государства, против рабочего, революционного движения, во имя утверждения

реакционных режимов в Европе. Этот политический курс в немалой степени способствовал «переоценке ценностей» в немецкой буржуазной историографии, значительная часть которой усердно и методично стала доказывать, что антагонизм между Германией и Англией, обнаружившись уже в конце XIX в., вовсе не был непреодолимым и даже, более того, мог быть устранён средствами дипломатии. Отсюда напрашивался простой вывод: предотвратив войну с Англией, германский империализм смог бы избежать и войны с США, и тогда, подчинив себе Францию или заставив её остаться нейтральной, можно было бы с лёгким сердцем и с развязанными руками обрушиться на Россию с целью её разгрома, расчленения и закабаления. Так, по уговору с Англией, а также с США можно было бы осуществить старую и всё более заманчивую программу «дранг нах Остен».

Эта новая, или, вернее, обновлённая, историческая концепция, по сути дела, отражавшая возросшие политические расчёты на восстановление германского империализма и милитаризма, крайне нуждалась хотя бы в минимальном количестве фактов, которые можно было бы использовать для доказательства основного, исходного тезиса о том, что противоречия между Германией и Англией исторически были устранимы и что при наличии доброй воли и согласия руководящих кругов в обеих странах можно было предотвратить мировую войну, превратив её в «локальную» войну против России. Вскоре немецкая буржуазная историография получила в свои руки необходимые ей факты, однако, разумеется, в весьма фальсифицированном виде. Сначала то были мемуары одного из второстепенных немецких дипломатов кайзеровских времён, барона фон Эккардштейна, крупного прусского помещика, жившего в Лондоне и ставшего там зятем богатого английского фабриканта и парламентария Мейпла. В своих мемуарах, явно рассчитанных на сенсацию, Эккардштейн пытался доказать, что в переломный момент новой истории, на рубеже XIX и XX вв., английская дипломатия трижды (в 1898, 1899 и 1901 гг.) предлагала германскому правительству заключить союз против России, однако эти предложения каждый раз отвергались германским правительством¹⁸. Затем в свет вышли материалы большой германской публикации дипломатических документов¹⁹, которые, дополняя и в известной степени компрометируя аутентичность документов, опубликованных Эккардштейном, преследовали цель снять с германского правительства исключительную ответственность за провал переговоров о заключении союза с Англией против России. Однако тем самым факт переговоров о заключении этого союза

¹³ См. Th. Wolff. Das Vorspiel. München. 1925.

¹⁴ См. Хаяси. Записки. «Известия министерства иностранных дел», кн. V. 1913.

¹⁵ См. статьи Н. Опскеп. Die Vorgeschichte des Weltkrieges, а также О. Фанке. Die Grossmächte in Ostasien в сборнике «Deutschland und der Weltkrieg». Berlin. 1915.

¹⁶ В. И. Ленин. Тетради по империализму, стр. 474.

¹⁷ Уинстон Черчилль. Мировой кризис, стр. 3. М.-Л. 1932.

¹⁸ См. Н. Freiherr von Eckardstein. Diplomatische Enthüllungen zur Ursprung des Weltkrieges. Berlin. 1918; Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten. Bd. I—II. Leipzig. 1920.

¹⁹ «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette». Bd. XIV. Berlin.

бы подтвержден и, более того, представлен в ещё больших подробностях, важных для понимания хода и исхода этих переговоров. Вся картина могла бы быть полностью освещена, если бы английское правительство решилось наконец опубликовать соответствующие документы своих дипломатических архивов. Однако, не желая раскрывать свою провокационную роль в разжигании войны между Германией и Россией в конце XIX в., английское правительство любой партийной окраски — лейбористское или консервативное, безразлично, — считало и считает для себя более удобным скрывать эти документы. Только в связи с документальными разоблачениями в советском журнале «Красный архив»²⁰ в английской историографии появились некоторые данные по этому вопросу дипломатической истории английского империализма. Известный английский консервативный публицист Гарвин в своей биографии Джозефа Чемберлена привёл некоторые документы, частично проливающие свет на эту сторону дела²¹. При этом Гарвин пытался создать впечатление, что, ведя переговоры с Германией о союзе против России, Джозеф Чемберлен действовал самостоятельно, на собственный риск и страх, хотя и с ведома английского правительства. Примечательно, что свою работу, подчёркивающую антирусский курс английского империализма в конце XIX в., Гарвин опубликовал в годы прихода Гитлера к власти.

Но ещё раньше, как мы отметили выше, немецкая буржуазная историческая литература усердно занималась освещением англо-германских переговоров в конце XIX в., имевших целью заключение союза против России²². Свою главную задачу германские историки усматривали в поисках виновников неудачи переговоров: одни искали этих виновников среди руководящих кругов германской дипломатии, другие, наоборот, — в руководящих кругах английской дипломатии. Дискуссия, продолжавшаяся в течение многих лет и, по сути

дела, отражавшая борьбу среди господствующих классов по вопросу внешнеполитической ориентации Германии, показала, что её главный интерес заключался в общей историко-политической оценке попыток заключения англо-германского союза против России. Так возникла легенда о «политике упущенных возможностей», политике, которая, по мысли её авторов, в случае осуществления планов Чемберлена могла бы предотвратить военное столкновение между Англией и Германией и тем самым изменить весь последующий ход мировой истории.

Советская историография показала, что эта легенда не имеет никаких научных оснований²³. Она показала, что, направляемая противоречивыми классовыми, империалистскими интересами, английская дипломатия, с одной стороны, и германская дипломатия — с другой, преследовали свои собственные империалистские цели, несовместимые и стоящие в прямом и глубоком противоречии с империалистскими целями другой стороны.

В 1898 г., когда империалистские державы уже заканчивали раздел мира и начинали борьбу за его передел, Англия и Германия стремились к тому, чтобы использовать друг друга для обеспечения своих собственных широких экспансионистских планов. Стремясь подчинить себе Китай, английский империализм искал союзников, которых можно было бы превратить в младших партнёров по эксплуатации этой обширной страны и в то же время в главную ударную силу для борьбы против России. В частности, в столкновении Германии с Россией английский империализм усматривал метод, при помощи которого можно было бы ослабить обоих соперников на арене мировой политики.

Вот почему Чемберлен, стремясь использовать Германию в качестве тарана против России не только в Европе, но и на Дальнем Востоке, соблазнял германскую дипломатию идеей установления над Китаем общего англо-германского протектората. По сути дела, этот план предусматривал раздел Китая: меньшую часть — Шаньдун и соседние провинции, пока ещё точно не установленные, — Чемберлен предлагал поставить под «покровительство» Германии, всё остальное, в особенности богатейшие южные и центральные провинции Китая, должно было отойти под «покровительство» Англии. Вместе с тем Чемберлен предлагал создать и укрепить под командованием европейских офицеров китайскую армию, которая, как и германская армия в Европе, могла бы быть использована в качестве пушечного мяса для борьбы против России²⁴. Принимая во внимание возросшие аппетиты германского империализма, эти и некоторые другие компенсации, которые предлагал Чемберлен, были настолько незначительны, что германское

²⁰ См. «Красный архив». Т. 56. Англо-германское сближение в 1898 году.

²¹ См. J. Garvin. The life of Joseph Chamberlain. Vol. III. London. 1933.

²² См. J. Haffner. Die Ära Bülow. Gotha—Stuttgart—Berlin. 1922; E. Fischer. Holsteins grosses Nein. Die deutsch-englischen Bündnisverhandlungen vor 1898—1901. Berlin. 1925; W. Becker. Bülow und England, 1897—1909. Greifswald. 1929; E. Brandenburg. Von Bismark zum Weltkrieg. Berlin. 1925; F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblem, 1890—1901. München—Berlin. 1927; G. Ritter. Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft 1898—1901. Freiburg. 1929; H. Zühlke. Die Rolle des Fernen Ostens in den politischen Beziehungen der Mitte 1895—1905. Berlin. 1929; H. Freytag. Die Houningen genannt Huene. Untersuchungen zur Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1898—1901. Breslau. 1934. и др.

²³ См. «История дипломатии». Т. II, стр. 128—132. М.—Л. 1945; А. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., гл. VIII. М. 1948.

²⁴ См. J. Garvin. Указ. соч., стр. 263—266.

правительство с самого начала переговоров стремилось лишь к тому, чтобы «выжать» у своих английских соперников более крупные уступки в области колониальной политики, рассчитывая в последний момент ускользнуть от принятия на себя твёрдых обязательств военно-политического характера. Преследуя свои собственные империалистические интересы, господствующие классы в Германии в ту пору не хотели быть, употребляя выражение Бисмарка, гончей собакой, которую Англия натравливает против России. С другой стороны, они сами лелеяли планы столкнуть Англию с Россией. Эти планы, если бы их удалось осуществить, открыли бы перед германским империализмом самые многообещающие перспективы. Растущие между Германией и Англией империалистские противоречия завели переговоры о союзе в тупик. Оба соперника, говоря словами Ленина, «не сторговались!»²⁵. После этого переговоры о заключении союза между Англией и Германией с привлечением США возобновились спустя более чем год, в конце 1899 г., но с тем же успехом, или, правильней сказать, столь же безуспешно для английского империализма.

В этой связи возникает вопрос: можно ли считать, что в интервале между обеими попытками заключить союз с Германией против России в 1898 и 1899 гг. английский империализм, в частности лидер его наиболее агрессивных кругов Джозеф Чемберлен, прекратил свои усилия в этом направлении? Буржуазная историография не даёт ответа на этот вопрос. Между тем новые материалы, обнаруженные нами в советских архивах, дают возможность частично приоткрыть завесу и убедиться в том, как активна была деятельность английского империализма, стремившегося в конце XIX в. закабалить Китай и на этой основе сколотить коалицию империалистских держав, направленную против России. Положение, создавшееся на Тихом океане и в Китае, как будто этому благоприятствовало. Захватив Филиппины американский империализм явно стремился усилить своё проникновение и в Китай. В 1898 г. крупный американский синдикат сумел вырвать у китайского правительства концессию на железнодорожную линию Кантон — Ханькоу, однако его усилия расширить сферы своей экспансии в Китае наталкивались на серьёзные затруднения: «Поднебесная империя», по сути дела, была уже почти полностью поделена на «сферы влияния» между наиболее крупными империалистскими державами Европы. Правда, эти «сферы» ещё не были точно зафиксированы и формально признаны соперничающими империалистскими державами, и это не могло не стать одним из факторов, усиливающих борьбу между ними. Однако это обстоятельство никак не устраняло того факта, что американский империализм, наиболее агрессивные круги которого уже тогда начали мечтать об установлении своего полного монопольного экономического и политического гос-

подства в Китае, не смог пока что создать там своей собственной «сферы влияния». В этих условиях американские капиталисты, заинтересованные в Китае, и американская дипломатия, выполнявшая их волю, были склонны искать поддержки английского империализма, наиболее опытного в делах эксплуатации Китая.

Со своей стороны, английские империалисты вовсе не были удовлетворены политикой раздела Китая на «сферы влияния». Принимая активное участие в осуществлении этой политики и, в частности, закрепив за собой богатейший и обширный бассейн Янцзы, они публично выступили против раздела Китая не только по соображениям демагогическим, но и потому, что хотели бы, оттеснив своих назойливых соперников, новых и старых, в будущем восстановить свои монопольные позиции в этой стране. Так постепенно начала формироваться идея противопоставления политике окончательного раздела Китая на «сферы влияния» политики «открытых дверей». Эта идея ещё не отлилась в форму дипломатической доктрины. Если Бальфур, министр иностранных дел в кабинете Солсбери, выступая в парламенте 10 августа 1898 г., указывал, что политика «открытых дверей» должна предполагать равные возможности в торговле, но не в получении концессий в Китае, то Гаркурт — лидер либеральной оппозиции, выступал в духе более расширенного её толкования, как «общего равенства льгот и прав» «для всех стран мира». Важно отметить, что Дж. Чемберлен, выступая в середине сентября 1898 г., пытался придать политике «открытых дверей» такую формулу, которая отвечала бы стремлениям английского империализма вытеснить своих главных конкурентов в Китае, установив через «открытые двери» собственную монополию. Вместе с тем Чемберлен явно пытался создать дипломатическую основу для сближения с США. «Принцип, который мы отстаиваем, — заявил он, — заключается в том, что приобретение территории иностранной державой не должно изменить существующее положение вещей в том отношении, что рынки Китая должны оставаться открытыми для справедливого и равного соперничества всех стран через открытую дверь»²⁶. Потерпев неудачу в переговорах с Германией, Чемберлен продолжал пропаганду «союза англо-саксонских стран». Но он ещё не терял надежды, что и Германия в будущем присоединится к этому союзу. Более того, не ограничиваясь пропагандой, он усилил свою политическую и дипломатическую активность, но только в другом направлении.

III

Прошло несколько месяцев после окончания переговоров с Германией, а тревога, охватившая английскую буржуазию в связи с положением дел в Китае, не утихала. Захватив в свои руки почти 70 процентов общих оборотов торговли в Китае, являясь там одним из крупнейших инвесторов, английский капитал совсем не собирался

²⁵ В. И. Ленин, Тетради по империализму, стр. 474.

²⁶ «The Times» от 17 сентября 1898 года.

поступить своей львиной долей участия в эксплуатации многомиллионного населения этой страны в пользу какого-либо из своих многочисленных соперников. Наоборот, все его помыслы в данном случае были направлены к тому, чтобы, ещё более увеличив свою долю, добиться полного монопольного господства в Китае. В особенности волновались манчестерские фабриканты, которые опасались, что усиление влияния России подорвёт выгодные экономические позиции, захваченные ими ранее на китайском рынке, и крайне затруднит осуществление их далеко идущих целей. Подняв большой шум по поводу «русской опасности», они требовали, чтобы правительство приняло быстрые и активные меры. В особенности они требовали, чтобы правительство в качестве первой меры выяснило «истинное положение вещей в Китае вообще, а в частности — незыблемость там английских торговых интересов». Правительство ответило, что не видит в этом нужды. Но вскоре Дж. Чемберлен, министр колоний, при участии герцога Девонширского и банкира Ротшильда, с ведома правительства, договорился с заинтересованными банковскими и промышленными кругами о посылке в Китай одного из парламентских деятелей. Формально было сообщено, что эта миссия организуется президентом союза английских торговых палат Стеффордом Норткотом, и притом исключительно в целях ознакомления с положением на китайском рынке. Фактически перед миссией были поставлены особые задачи политического и военно-разведывательного характера. Но кто должен был выполнить эти задачи? Выбор пал на члена парламента от округа Йорк, адмирала лорда Чарлза Бересфорда.

В аристократических и дипломатических кругах лорд Бересфорд имел сомнительную репутацию. «Этот голоштанник — говорил о нём английский посланник в Токио, — давно искал случая поживиться на чужой счёт: со всеми своими проектами он прогорел, выгодная женитьба не удалась, оставалось продать торгашам имя английского лорда. Это удалось блестяще: свою популярность господин Бересфорд уступил Манчестеру за 10 тысяч»²⁷. Итак, по английской пословице, это был подходящий человек на подходящем месте.

Заручившись рекомендательными письмами Ротшильда, американского инженера Шоклая, ставшего деятелем англо-итальянского синдиката по разработке горных богатств в провинциях Шанси и Хэнань, и других английских финансистов к китайским сановникам, а главное, получив инструкции от Чемберлена и его империалистской клики, а также от соответствующих правительственных органов и инстанций, знатный путешественник тронулся в путь. Перед отъездом он неоднократно посещал германского посла в Лондоне, а так-

же вёл длительные беседы с представителями американской и японской дипломатии. По сведениям русского финансового агента в Лондоне, в этих беседах Бересфорд настойчиво доказывал, что Англия, США, Германия и Япония должны «установить полную коммерческую солидарность... против России и Франции на Дальнем Востоке»²⁸. Вместе с тем он давал понять, что, кроме «коммерческой солидарности», он интересуется вопросом о стратегическом значении железнодорожного строительства России, и притом не только в Маньчжурии, но и в Приморском крае. Его интересовал также вопрос, насколько русские укрепились в Порт-Артуре.

Бересфорд посетил и русского посла в Лондоне и был с ним очень любезен. Это не помешало ему, выступая затем в парламенте, без всяких стеснений, «самым невозможным и неприличным образом» говорить против России²⁹.

Первыми откликнулись на миссию Бересфорда, и притом с большой живостью и удовлетворением, правящие круги Японии, в особенности те круги, которые, взяв курс на войну против России, искали путей к союзу с Англией. Ведя переговоры о союзе с Германией, Чемберлен вступил в аналогичные переговоры и с Японией, некоторые представители которой, со своей стороны, вступили в контакт с Германией, надеясь, что и её можно будет привлечь к борьбе против России. Если бы этот план был осуществлён, это означало бы, что России рано или поздно была бы навязана война на два фронта — на западной границе и на Дальнем Востоке одновременно. Трудно сказать, знали ли правящие круги Японии, что англо-германские переговоры о союзе против России зашли в тупик. Но перспектива переговоров с Англией о союзе против России казалась им многообещающей, и миссию Бересфорда в Китай они рассматривали как новое подтверждение реальности своих обширных военно-политических замыслов. Во всяком случае, японская пресса, отражая взгляды и намерения этих кругов, пылко приветствовала появление Бересфорда на Дальнем Востоке, как посредника в переговорах с Англией о союзе против России. Она призывала правительство не упустить случая, чтобы воспользоваться им для завершения этих переговоров³⁰.

²⁸ Там же, л. 7. Телеграмма Романова Покотилову, 7 октября (25 сентября) 1898 года.

²⁹ См. Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР (Архив МИД). Тихоокеанский стол, д. 60, л. 4. Выписка из рапорта российского морского агента в Англии. Лондон, 16 (4) августа 1898 года. № 335.

³⁰ Вот выдержка из японской газеты, приведённая в одном из донесений русского финансового агента в Токио: «Если нет сомнения в том, что англо-японский союз есть необходимое условие политического равновесия на Востоке, при поступательном движении России, становится понятным, как надо отнестись к лорду Бересфорду. К со-

²⁷ См. Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦИАЛ), ф. 560, оп. 28, л. 809, лл. 19—22. Письмо Алексея Романову, 12 (1) октября 1898 года.

Прибыв в начале октября в Китай, лорд Бересфорд прежде всего посетил Шанхай и Тяньцзинь — крупнейшие опорные пункты английского империализма в Китае, — а заодно заехал и в Вейхайвей — порт, только недавно захваченный англичанами. Остановившись у местных директоров Гонконг-Шанхайского банка, он сначала не встречался ни с китайскими властями, ни с должностными лицами иностранных держав в Китае, а имел свидания только с представителями наиболее крупных английских фирм, состоявших членами торговой палаты. Таким образом, до поры до времени он создавал впечатление, что его миссия носит строго частный характер и преследует только коммерческие задачи. Представители английской дипломатии на Дальнем Востоке помогали ему в этом. Они утверждали, что его задачей является разработка плана развития английской торговли в Китае, выяснение условий, которые могли бы способствовать расширению этой торговли, а главное — выяснение тех гарантий, «которые могут вполне надёжно обеспечить присутствие английских капиталов в стране».

Как ни пытались, однако, английская пресса в Лондоне и английская дипломатия на Дальнем Востоке создать впечатление, будто путешествующий лорд собирает в Китае информацию только по вопросам торговли, некоторые заинтересованные наблюдатели понимали, что за этой дымовой завесой скрываются намерения и цели совсем другого рода. За три месяца своего пребывания в Китае Бересфорд проявил большую активность, подвижность и расторопность. Постепенно он начал встречаться с китайскими сановниками, главным образом с правителями провинций (дудэонами), в особенности с многочисленными английскими чиновниками на китайской службе, с консулами, купцами, предпринимателями.

По приглашению Генриха Прусского, который, возглавляя германскую военную эскадру в китайских водах, всё ещё наводил страх и ужас на китайское население в Шаньдунской провинции, Бересфорд посетил только что захваченный немцами порт Цзяо-Чжоу, после чего съёл за благо уклониться от поездки в Порт-Артур. Везде, где бы он ни был, Бересфорд неизменно интересовался «русской опасностью», а особен-

но состоянием русских железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке, а также в Северной Маньчжурии (в особенности ветви к Порт-Артуру и Дальнему). Но больше всего этот представитель английских торговых палат интересовался подробностями дислокации русских войск в Восточной Сибири, Амурском крае и в Маньчжурии. Не ограничиваясь этой стороной своей деятельности, лорд-разведчик в дальнейшем, находясь в Китае, стал выступать и на политическом поприще. Так, на дипломатическом приёме в Пекине, устроенном английским посланником Клодом Макдональдом, он начал распространяться по поводу того, что железнодорожные и всякие другие концессии иностранных держав в Китае приобретают политический характер, и поэтому, хотя и без всякой связи, заявил себя сторонником политики «сфер влияния», а не политики «открытых дверей». Однако за закрытыми дверями, в беседе с китайскими сановниками, Бересфорд говорил нечто совсем противоположное. Посетив цзун-ли-ямынь³¹, он начал поучать князя Цина и других китайских министров мудрой политике — сделать Китай «богатым и могущественным, для чего необходимо приступить к реформам». Китайские сановники вежливо подлакивали, но ничего не спрашивали и ничего не обещали. Тогда при следующей встрече Бересфорд дал им понять, какие именно реформы он имеет в виду. Он потребовал, чтобы китайское правительство пригласило английских инструкторов для обучения расположенного в Пекине отборного корпуса маньчжурских войск. Повидимому, он действовал небезуспешно, так как уже на следующий день он встретился с командующим китайскими войсками, расположенными в провинции Чжили, и вёл с ним длительные переговоры о приглашении английских инструкторов. Ясно, что он добивался усиления английского военного влияния в столице и во всей чжилийской провинции.

Хитрый и многоопытный китайский чиновник Ли Хун-чжан, фактически руководивший внешней политикой Китая, быстро заставил Бересфорда хотя бы частично приподнять маску. После того как Бересфорд изложил ему официальную версию своей миссии — выяснить, «насколько обеспеченными могут считаться английские капиталы, вложенные в китайские государственные займы и всякого рода предприятия», — Ли Хун-чжан, отбросив прочь китайские церемонии, не без ехидства в упор спросил благородного лорда, «каким образом он, вице-адмирал, взялся за исполнение какого-то коммерческого поручения, и его ли это дело?» Тогда Бересфорд, со своей стороны, обрушился на Ли Хун-чжана с бесконечными упреками по поводу его «излишней благосклонности к России и недоброжелательности к Англии». Тут же он развернул перед ним одну из частей общей программы английского империализма в Китае: он потребовал, чтобы китайское правительство разработало меры по улучшению своего

жалению, лорд едва ли посетит нашу страну, но если бы это случилось, советуем не только правительству, но и частным лицам смотреть на лорда Бересфорда, как на посредника между государствами, близкими к дружественному соединению». Другая выдержка гласит: «Дела, конечно, слишком задержат лорда [Бересфорда] в Китае, чтобы он мог даже проездом побывать в Японии. В этих видах правительство должно дать соответственные указания нашему посланнику в Пекине, чтобы тот не упустил случая, пользуясь обстоятельствами, создать сколько-нибудь прочную почву для будущего союза Англии с Японией» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 806, лл. 19—22. Письмо от 12 (1) октября 1898 года).

³¹ Ведомство иностранных дел.

финансового положения. Это означало, что оно должно снова обратиться к английским банкирам, которые, таким образом, смогут осуществить финансовое закабаление Китая в ещё более широких масштабах. Далее Бересфорд потребовал, чтобы пекинское правительство приступило к улучшению своей военной системы. Он имел в виду подчинение её английским инструкторам. Словом, он навязывал Китаю фактический протекторат и стремился заставить Китай включиться в русло политики, враждебной России³².

Эта сторона деятельности Бересфорда сразу привлекла к себе внимание русского правительства. Узнав о домогательствах Бересфорда по вопросу об установлении английского контроля в китайской армии, Николай II решил, что «нужно напомнить китайцам об их обещании»³³; он имел в виду полученные ранее от пекинского правительства заверения, что оно не будет приглашать в Северный Китай других инструкторов, кроме русских. Напоминание было сделано³⁴. Французский посланник в Пекине также заявил, что «Франция представляет себе право иметь военных инструкторов в Китае на условиях, выговоренных лордом Бересфордом»³⁵. Всё это не могло не возыметь своего действия. Китайское правительство постаралось устранить от себя новую петлю, которую с разных сторон пытались набросить официальные и неофициальные представители империалистских держав.

Убедившись, что Ли Хун-чжан не проявляет энтузиазма по поводу этих требований, посланец Чемберлена и Ротшильда стал на путь прямых угроз. Он обратил внимание Ли Хун-чжана на то, что на европейской бирже отмечается падение китайских фондов, и объяснил это её реакцией на неустойчивое политическое положение в Китае. Но биржа, в частности лондонская, просто занималась очередной спекуляцией и давлением на Китай. Что касается неустойчивого политического положения в Китае, то оно было вызвано политикой империалистских держав, соперничавших между собой и стремившихся разорвать эту страну на куски, или, как уже в то время было принято выражаться, на «сферы влияния». Угроза Бересфорда и заключалась в том, что в случае, если Китай не пойдёт навстречу его требованиям, «Англия, как одна из заинтересованных держав, будет вынуждена заботиться обеспечением своих

интересов, что может... в конце концов повести к расчленению Китая».

Каким-то образом, вероятно, не без участия Ли Хун-чжана, всё это стало известно русскому финансовому агенту в Китае Покотилу, который, будучи человеком вообще осведомлённым, пришёл к выводу, что миссия лорда Бересфорда стоит в связи с миссией бывшего японского премьера маркиза Ито, который добивался в Китае аналогичных целей. В своём донесении Вите Покотилов сообщал: «Оба эти негласные эмиссары должны были, вероятно, встретиться в Пекине и согласиться здесь между собою о распределении ролей Англии и Японии в деле осуществления разных реформ с целью создания «могущественного и богатого», а главное, враждебного России Китая»³⁶.

Это предположение имело под собою серьёзные основания, с той лишь поправкой, что лорд Бересфорд и те круги, которые стояли за его спиной, стремились вовлечь в борьбу против России не только японских империалистов, но и германских и американских. Во всяком случае, находясь на Дальнем Востоке, Бересфорд всячески старался собрать такой материал, который мог бы в Лондоне служить Чемберлену и его клике подспорьем в пропаганде идеи «союза англо-саксонских стран». В частности, таково было назначение многочисленных петиций, меморандумов и резолюций, которые Бересфорд собирал среди английских торговых палат и других организаций английских подданных в Китае. Так, например, меморандум, составленный представителями английского капитала в Цзюцзяне, обращал внимание английского правительства на то, что оно должно добиться в Китае «предоставления полной свободы торговли и промышленности внутри страны», «открытия горных богатств и эксплуатации таких» и т. д. Вместе с тем этот меморандум выдвигал требования, касавшиеся «большой политики» английского правительства в отношении Китая: во-первых, усиление борьбы против России и Франции, в особенности в Среднем и Западном Китае; во-вторых, содержание на Янцзы постоянных британских морских сил как средства закрепления и усиления английского влияния в долине Янцзы «ввиду её громадных и почти неограниченных богатств» и, в-третьих, заключение политического соглашения в США, чтобы Англия могла действовать в Китае вместе с ними «при открытии тех дверей, которые могли бы быть закрыты»³⁷.

С аналогичными требованиями выступили и английские подданные в Ногочжуане. Собравшись на митинг, они по предложению Бересфорда приняли резолюцию, в которой требовали, чтобы английское правительство усилило антирусский курс своей политики

³² См. ЦГИАЛ, ф. 560, сп. 28, д. 809, лл. 30—34. Донесение Покотилова 24 (12) октября 1898 года.

³³ Архив МИД. Тихоокеанский стол, д. 60, л. 5. Секретная телеграмма Павлова Ламздорфу. Пекин, 26 (14) октября 1898 года. См. помету Николая II.

³⁴ См. там же, л. 10. Секретная телеграмма Ламздорфа Павлову. Петербург, 7 ноября (26 октября) 1898 года. № 235.

³⁵ См. там же, л. 15. Секретная телеграмма Гирса Ламздорфу. Пекин, 14 (2) декабря 1898 года.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 809, лл. 30—34. Донесение Покотилова. Пекин, 24 (12) октября 1898 года.

³⁷ Там же, лл. 47—48. Меморандум, вручённый лорду Бересфорду английскими подданными в Цзюцзяне.

в Китае, в частности в Южной Маньчжурии³⁸.

Таким образом, политика английского империализма в Китае должна была выступить в двух аспектах: она должна была стремиться к созданию своей собственной обширнейшей «сферы влияния», а в то же время, выдвигая в качестве тарана доктрину «открытых дверей», настойчиво стремиться к проникновению и завоеванию «сфер влияния» других держав, в первую очередь России и Франции. В дальнейшем Бересфорд выступал ярким пропагандистом этой доктрины, на основе которой, как он утверждал, может и должен сложиться союз Англии, Германии, Японии и США. Продолжая турне в Японию, а затем в США, он повсюду выступал с многочисленными речами, в которых пропагандировал идею этого союза, и, повидному, для подкрепления политики Чемберлена собирал резолюции, приветствующие эту идею. Так, он выступал в Осака, Киото³⁹ и несколько раз в Токио.

Как сообщал русский посланник в Токио, Бересфорд в своих многочисленных речах, произнесённых в Японии, «старался доказывать, что для четырёх держав, по его мнению, наиболее заинтересованных в торговле с Китаем, т. е. Англии, Германии, США и Японии, политика так называемых «открытых дверей» в Китае составляет общий им всем первостепенный интерес в противоположность политике разграничения «сфер влияния», которая, по его мнению, могла бы повести лишь к стараниям каждой державы в присвоенной ею себе «сфере влияния» «закрывать двери» посредством высоких тарифов для торговли всех других держав и, следовательно, к неизбежным столкновениям. Поэтому он рекомендует в предупреждение возможности «закрытия дверей» в Китае заключение между вышеупомянутыми четырьмя державами коммерческого союза⁴⁰.

Мало осведомлённый о характере миссии Бересфорда, русский дипломат не замечал военно-политической стороны планов английского империализма на Дальнем Востоке, провозвестником которых выступал гастролеровавший посланец Дж. Чемберлена. Между тем лорд Бересфорд в своих речах, произнесённых в Токио, довольно недвусмысленно призывал Японию, США и Германию не только взламывать двери в Китае, но и заранее договориться с Англией об условиях и целях этой политики. «Нет смысла требовать, — заявлял он, — чтобы двери были открыты, если комната за эти-

ми дверьми не в порядке. Надо эту комнату привести в порядок»⁴¹.

В Токио Бересфорд выступил на большом собрании, устроенном Японским восточным обществом и Токийской торговой палатой. Здесь, выступая в присутствии почти всех членов японского кабинета, он, не упоминая о России, пространно изложил свой обширный план объединения держав в целях проведения антирусской политики в Китае.

Приехав в Соединённые Штаты и почувствовав к себе внимание, или, правильней сказать, любопытство, которое провинциальные янки проявляли по отношению к благородному английскому лорду, Бересфорд стал выступать и в печати, и в клубах, и на собраниях торговых палат, стремясь заинтересовать своих слушателей широко-вещательными планами закабаления Китая путём осуществления политики «открытых дверей» и борьбы против России.

Уже в первых выступлениях в Сан-Франциско (затем он их продолжал в Чикаго, Вашингтоне, Нью-Йорке) он обрисовал эти планы почти с предельной откровенностью: союз между Англией, США, Германией и Японией, установление протектората этих держав над Китаем, «преобразование финансов» в Китае, т. е. окончательное финансовое закабаление Китая этими четырьмя державами, и организация ими китайской армии в количестве 250 тыс. человек для борьбы против России.

Кроме того, утверждал Бересфорд, необходимо в таком же духе «реформировать» и китайский флот. Разжигая аппетиты американских торговцев и финансистов, Бересфорд пытался убедить своих слушателей, что «английские интересы настолько тождественны в отношении всего, что касается Китая, что он не сомневается, что означенные страны не преминут прийти к соглашению относительно коммерческого союза и что Германия и Япония не замедлят к ним присоединиться»⁴².

Утверждая, что осуществление этого плана будет означать обеспечение политики «открытых дверей», Бересфорд пытался соблазнить широкие круги американской буржуазии перспективами поглощения всего обширного китайского рынка. Приехав в США как раз в то время, когда американские империалисты разжигали в стране захватнические аппетиты, он стремился доказать, что США заинтересованы в установлении господства в Китае и в борьбе против России не меньше и даже больше, чем другая держава⁴³. Воспользовавшись экспансионистскими настроениями, нараставшими среди американской буржуазии, он популяризировал чемберленовские планы создания мощного союза англо-саксонских стран с

³⁸ См. Архив МИД. Тихоокеанский стол, д. 60, л. 13. Телеграмма Позднеева в министерство иностранных дел. Пекин, 9 ноября (28 октября) 1898 года.

³⁹ См. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, л. 809, л. 12. Телеграмма Позднеева Витте. Пекин, 19(7) января 1899 года.

⁴⁰ См. Архив МИД. Тихоокеанский стол, д. 60, лл. 22—24. Делеша Розена. Токио, 25 (13) января 1899 года. № 2.

⁴¹ «Japan Daily Herald» от 23 января 1899 года.

⁴² Архив МИД. Тихоокеанский стол, д. 60, лл. 38—40. Делеша Кассини. Вашингтон, 3 марта (19 февраля) 1899 года. № 16.

⁴³ См. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, л. 809, лл. 59—60. Донесение русского консула в Сан-Франциско, 14 (2) февраля 1899 года. № 40.

участием Германии и Японии в целях борьбы против России и Франции за установление господства в Китае.

Как сообщал русский посол в Вашингтоне граф Кассини, «американское общество специального характера принимало с энтузиазмом преувеличенные комплименты и напыщенные восхваления», с которыми к нему обращался Бересфорд, но сразу начало остывать, как только стало догадываться, что предлагаемая опасная авантюра в Китае потребует от США больших затрат во имя торжества экспансионистских планов английского империализма. Подводя итоги миссии Бересфорда, Кассини пришёл к выводу, что, независимо от высказываний английской и американской прессы, миссия посланца Чемберлена потерпела в США полную неудачу⁴⁴. Эта оценка итогов пребывания лорда Бересфорда в США была далеко не полной и не точной. Бересфорду, действительно, не удалось пробудить среди руководящих политических кругов американского империализма движения в пользу заключения союза с Англией, которая рассматривала США как одного из младших партнёров в её политике экспансии и развязывания войны на Дальнем Востоке. Даже сторонники теснейшего сближения с Англией были вынуждены считаться с противодействующими настроениями в деловых кругах и в сенате. Те же империалистские круги, которые специально зарились на Китай, предпочитали заключать частные соглашения с английским капиталом по конкретным вопросам эксплуатации этой страны. Так, в самом начале февраля 1899 г. американский синдикат заключил соглашение с английской корпорацией о дележе железнодорожных концессий. Однако проведённая Бересфордом пропандистская кампания в пользу политики «открытых дверей» вовсе не прошла бесследно в Соединённых Штатах Америки. Она пришлась там как нельзя больше к стати. Государственный департамент и крупнокапиталистическая пресса нуждались в высоких принципах, которые могли бы прикрыть экспансионистские устремления американских империалистов в Китае. Вскоре сам руководитель государственного департамента Гей объявил себя сторонником политики «открытых дверей».

Вернувшись в Англию, лорд Бересфорд опубликовал отчёт о своей поездке в виде книги под громким и длинным заглавием: «Распадение Китая, с обзором его настоящей торговли, финансов, водных путей, военных сил, железных дорог, политики и видов на будущее»⁴⁵.

Книга эта, являясь нагромождением многочисленных, но поверхностных данных о положении в Китае, тем не менее не могла не привлечь к себе внимание среди правящих кругов прежде всего потому, что она

была проникнута одной идеей — идеей необходимости мобилизации всех сил для борьбы против России. Отмечая, что при всех своих значительных экономических позициях, захваченных в Китае, Англия пользуется там недостаточным политическим влиянием, Бересфорд доказывал английским капиталистам, что они должны усилить борьбу и за Китай, и за Маньчжурию, и за Корею. В противном случае он грозил усилением «русской опасности» и даже нарисовал фантастическую картину вторжения русских войск через Китай в Индию. Вторая идея его книги, тесно связанная с первой, заключалась в том, чтобы обосновать политику «открытых дверей» в Китае в противоположность «разграничению сфер влияния». «В переводе на общепринятый язык, — сообщил по этому поводу русский финансовый агент в Лондоне Татищев, — это просто значит, что... Англии незачем с кем-либо и чем бы то ни было делиться в Китае, а следует всю эту обширную империю с её четырёхсотмиллионным населением прибрать к рукам. Сознания, однако, что такое предприятие не под силу одной Англии, лорд Чарлз указывает ей как на естественных союзников и соучастников в деле на Германию, Японию и Соединённые Штаты, устрояя, таким образом, Россию и Францию от всякого участия в воздействии на будущие судьбы Среднего царства. Как видите, — заключает Татищев, — это та же самая доктрина, которую провозгласил Чемберлен»⁴⁶.

Но планы Чемберлена, уже вызвавшие разногласия среди правящих кругов Англии и уже потерпевшие неудачу в его переговорах с Германией, не стали более осуществимы от того, что Бересфорд выступил в качестве их глашатая. Во всяком случае, торговые и финансовые круги Англии встретили отчёт Бересфорда довольно холодно; они явно находились под впечатлением соглашения о сферах железнодорожных интересов в Китае, которое английскому правительству удалось заключить с Россией в апреле 1899 года⁴⁷. После этого английский кабинет открыто отказался согласиться с выводами Бересфорда, а лондонская пресса, выразив платоническое сочувствие Бересфорду, почти единодушно признала его планы неосуществимыми. И это было действительно так, поскольку ещё недавно англо-германские переговоры о союзе против России зашли в тупик. В этом отношении миссия Бересфорда на Дальний Восток ничего не изменила. Убедившись в её разведывательном характере, германская дипломатия увидела в ней стремление английского империализма добиться чужими руками утверждения своего полного господства в Китае, и соответственно германская пресса отнеслась к ней крайне отрицательно.

⁴⁴ См. Архив МИД, Тихоокеанский стол, д. 60, лл. 38—40. Деша Кассини 3 марта (19 февраля) 1899 года. № 16.

⁴⁵ Admiral Lord Charles Beresford. The Break up of China. New York — London. 1899.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 809, лл. 62—69. Письмо Татищева к Витте. Лондон, 22 (10) мая 1899 года. № 1923.

⁴⁷ См. Э. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. № 51. М. 1927.

